

голоса истории

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА. 1914 г.

Л. В. САЯНСКИЙ

Три месяца в бою
Дневник казачьего офицера

В. В. МУЙЖЕЛЬ

С железом в руках,
с крестом в сердце
(на Восточно-пруссском фронте)

С. Н. БАЗАНОВ, А. В. ОЛЕЙНИКОВ

Первый год войны

Голоса истории

Сергей Базанов

Великая война. 1914 г. (сборник)

«ПОСЕВ»

2014

УДК 94"1914"(0:82)
ББК 63.3(0)53

Базанов С. Н.

Великая война. 1914 г. (сборник) / С. Н. Базанов — «ПОСЕВ»,
2014 — (Голоса истории)

ISBN 978-5-9902820-9-4

В книгу, подготовленную к столетию начала Первой мировой войны, вошли произведения участников событий и очерк современных историков, рассказывающих о событиях на фронте в 1914 г. В дневниковых записях иркутского казака Л. В. Саянского (1889 —?) описаны первые три месяца войны, проведенные им в действующей армии. Книга литератора и публициста В. В. Муйжеля (1880—1924) «С железом в руках, с крестом в сердце» посвящена событиям на Восточно-пруссском фронте в 1914 – начале 1915 гг. Авторы исторического очерка «Первый год войны» наиболее полно раскрывают события 1914 г., анализируя ход военных действий, основные сражения, соотношение сил участников и т. д. Для широкого круга читателей.

УДК 94"1914"(0:82)
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-9902820-9-4

© Базанов С. Н., 2014
© ПОСЕВ, 2014

Содержание

Л. В. Саянский	6
Предисловие	7
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Великая война. 1914 г. (сборник)

© Содружество «Посев», 2014

Л. В. Саянский Три месяца в бою Дневник казачьего офицера

Саянский Леонид Викторович (1889–?) – иркутский казак, подъесаул, участник Первой мировой войны. Помимо предлагаемых вниманию читателей дневниковых записей, Л. В. Саянский также автор работы «Поход иркутских казаков в 1912 году от Иркутска до села Усть-Кута: Отрывок воспоминаний участника» (Вестник русской конницы. СПБ., 1914. № 11/12. С. 449–465).

Текст печатается по изданию: Саянский Л. В. Три месяца в бою: Дневник казачьего офицера. Предисл. авт. М.: Тип. Акц. о-ва «Моск. изд-во», 1915. – 144 с.

Книга предоставлена для публикации А. В. Олейниковым (Астрахань).

Император Николай II объявляет войну Германии с балкона Зимнего дворца. Июль 1914 г.

Предисловие

Три месяца. «Что такое три месяца в сравнении с годами жизни», – подумается тому, кто возьмет в руки мой отрывочный дневник.

Да. Три месяца – ничто, но то, что пережито в эти три месяца каждым из нас, из тех, кто дрался, – громадно. Так громадно, что только теперь, когда мы по очереди уходим из этого ада, раненные, больные и контуженные, только теперь мы начинаем, уже успокоившись в мирной обстановке, сознавать ту перемену, какую совершила в нас эта война. Она изменила взгляды. Она изменила вкусы и привычки. Она научила многому, и она изменила смысл жизни.

И многие, кому суждено вернуться с адского поля нынешней страшной войны, придут домой другими людьми, не такими, какими уезжали когда-то из дома под крики «ура», сопровождавшие отходивший воинский поезд. Для тех, кто не был на войне, она никогда не будет понятной, яркой и вполне представляемой. К ним война доходит сквозь разные призмы: или смягченная расстоянием и временем от совершившихся ужасных фактов; или же прикрашенной эффектами, созданными досужей фантазией корреспондентов, редко видящих что-либо, кроме опустелых путей войны, судя по которым, они создают свои красочные и часто мало правдивые описания того, что творилось на этих пустых теперь полях тогда, когда их, этих корреспондентов, там не было еще, да и не могло быть в силу правил о военных корреспонденциях с поля битв.

Тем интереснее, я думаю, для каждого мирного гражданина будет проследить изо дня в день все три месяца за той жизнью, которая носит название «боевой».

Что же касается частой отрывочности и разбросанности моих строк, то, да простит мне читатель, ведь они, эти строки, часто писались в обстановке, почти невозможной для письма.

Автор

18 июля¹

Итак – война! «Войнишка», как ласкательно говорят у нас.

– Эх! Войнишку бы Бог дал! – вздыхали мы еще так недавно, томясь бездействием мирной жизни. Изо дня в день, одно и то же, малозаметное, привычное дело. Пресловутая «словесность», конные учения и «пеше по конному» и все прочие, так надоевшие отделы нашей науки. Вот когда они пригодятся. Посмотрим, что-то даст наша работа, наша подготовка теперь, на этом мировом экзамене нашей армии.

Работы уйма! Какая громадная машина, какой мощный организм – любой из наших полков. С утра и до поздней ночи сидим в канцеляриях и, право, порой ум за разум заходит. Все, что готовилось втайне, создавалось на бумаге в течение долгих месяцев – все это должно быть сделано и стать фактом; все эти пустые на вид цифры должны в возможно короткий срок превратиться в ряды людей и лошадей, накормленных, одетых и снабженных всем, что нужно будет им для боя. Наш командир почти не спал. Адъютант тоже. Они с раннего утра здесь и лихорадочно работают. Пугает мысль, что наша часть может не пойти туда, на далекий для нас запад.

19 июля

Работа кипит. Подходят партии запасных. Пьяных нет. Особого уныния, за исключением редких случаев, незаметно. Большинство серьезно, меньшинство веселится и с шутками является на свой старый казарменный двор, покинутый ими так недавно.

Запасные этого года довольны.

– Это и лучше, что война теперь будет, – разъясняет один лихач, парень в щегольской одежде.

– По крайности еще ничего такого не завели, чтоб бросать жалко было. Для тех-то, кто ране нас ушел, вбезперечь тяжельче, потому с насиженного уходить надоть!

Да и правда. Для нас, людей, живущих войной и ее ожиданием, грядущая война будет лишь периодом кипучей работы, более рискованной, чем в мирное время. Ну, а для пахаря, для мелкого торгующего, служащего и всех этих тысяч и тысяч призываемых?

И все-таки, они идут молодцами. И все озлоблены против «немца». Даже и те, кто и немцев-то почти не видал.

Великая вещь – война, которая созрела в душе народа.

И все эти поговорки: «Что русскому здорово, то немцу смерть»; и песенки про «Немца, перца, колбасу» и прочее.

Все это, выливаясь в общую чашу народного недовольства немцами, все всколыхнуло и претворило полускрытый смех в явное негодование. Начались манифестации, но в слабом размере.

20 июля

Вот она! Война, которую ждали так долго. Долго она висела над нами. Ну, что же, чем скорей и сильней стряхнем мы ее с плеч России, тем лучше.

Теперь уже все вырешено. Еще вчера и третьего дня мы боялись, чтоб мобилизация не кончилась впустую.

---

¹ В публикуемых дневниковых записях и воспоминаниях даты приведены по юлианскому календарю (старому стилю), использовавшемуся в Российской империи. – *Прим. сост.*

Какая громадная разница с прошлой войной! Офицеров на улицах встречают с восторгом. Качают и носят на руках.

26 июля

Прошла неделя почти, как я не брался за свой дневник. Началась мировая война.

Столько впечатлений сразу, что буквально не знаешь, о чем писать.

О том ли громадном, неслыханном воодушевлении, которое охватило нашу Родину; о той ли колossalной созидающей работе над пополняющей свои боевые ряды армией; о своих ли личных переживаниях... Но в это время живешь жизнью толпы, и личные впечатления и переживания как-то ускользают, не фиксируются в уме. Все чувствовали себя не «обывателями», а «гражданами», и в качестве таковых живут широкой жизнью, захватывающей интересы целого мира. Хотя есть и оставшиеся «обывателями». Не далее как вчера закрыты три магазина за самовольное повышение цен. Офицерские магазины полны народа. Всякие крючки, ремешки, антабки и свистки берутся нарасхват и втридорога.

Кое-кто из более опытных не покупает ничего, а только исправляет старое, заменяя старые ремешки крепкой сырой материи. Так-то, пожалуй, надежнее будет! А все эти новые и новейшие снаряжения только полопаются зря и будут брошены в первом же деле.

По улицам бродят во всем с иголочки только что выпущенные офицеры и призванные прапорщики. Первые выглядят уверенными и донельзя горделивыми; вторые – беспомощными и будто что-то потерявшими.

В городе страшное оживление. Конечно, за счет военных. Они везде. На скетингах,² в театрах, в кафе и т. д.

Все веселы и довольны. Особенно рада молодежь.

Да я и по себе сужу. Если мой полк не пойдет – уйду, как-нибудь, да уйду!

30 июля

Чудный день. На площади перед нашими казармами длинные коновязи. И пестрит в глазах от бесконечного разнообразия мастей приведенных издалека по конской повинности лошаденок.

Именно на этой площади сборный пункт для крестьянских лошадей. Городские и вообще местные лошади собраны на других площадях, а здесь все мелочь; та мелочь, которая потом будет таскать высокие двухколки по всем направлениям и дорогам, напутанным среди наших западных границ.

И при взгляде на безропотно унылую морду пегого меринка, застывшего с клочком сена в распущеных вяло губах, невольно казалось странным то, что этот меринок через два, три месяца будет свидетелем и участником мировых событий... А если ему повезет, и выдержит его привычное к соломенной резке брюхо тяжесть длинных перегонов по бесконечным болотам нашего Запада, то попадет и в Берлин, быть может, и будет так же вяло муслить клочек немецкого уже сена, стоя в своей привычной упряжке на Унтер-дер-Линден.³

Вокруг шум и гвалт. Приводят и уводят лошадей. Одни рады, что лошадь не взяли, другие наоборот, потому, что взяли и хорошо заплатили.

Поди, разбери вот, до чего сложно перепутались жизненные интересы миллионов людей!

---

² Скетинг (скетинг-ринг; англ. *skating-ring*) – специальная площадка с гладким асфальтированным полом для катания на особых роликовых коньках. – Прим. сост.

³ Унтер-ден-Линден (нем. *Unter den Linden* – «под липами») – один из наиболее известных бульваров Берлина. – Прим. сост.

Для кого война – горе, а многих она обогатит. На наших эскадронных дворах творится что-то необычайное. Ходят разнообразно одетые типы. Кто в полушибке, несмотря на 27 градусов в тени, кто в яркой цветной рубахе, а кто и в очень оборванном виде. И только одетые у большинства набекрень желто-синие фуражки⁴ показывают принадлежность этих незнакомцев к нашей семье.

На манежах по утрам кипит работа. Бесконечными лентами тянутся смены, бегающие по кругам.

Жарко уже. По лицам всадников и по запавшим бокам лошадей течет пот. Пыль насела густыми хлопьями и распудрила до неузнаваемости лица даже хорошо известных людей.

Мерный топот и щелк подков, лязг стремян и шашек, хлопанье манежных бичей и певучие оклики гоняющих смены унтер-офицеров – все сливается в знакомую мелодию конной работы.

Началась рубка. Мало привычные или, вернее, отвыкшие всадники мажут по гнувшимся лозам, теряют шашки, ломают прутья… Офицеры из сил выбиваются, езда от одного к другому, показывая, убеждая, объясняя до хрипоты…

Ругани почти нет. Не до нее. Ругаются в мирное время, когда есть время для лишних слов и когда нужно подбодрить ослабевшее внимание раскисших всадников.

Теперь не до этого. Всех охватила лихорадка – как можно скорей изготовиться к бою в новом, собранном по мобилизации составе.

– Руби, как по немцу! Ты, белобрысый! – кричит офицер, галопируя рядом с летящим мимо чучел рядовым.

– Руби же! Или у тебя сердца нет? Ну, обозлись, бей, будто б он тебя обидел!

Немолодой уже дюжий парень слушает одним ухом: он нагнулся к гриве коня и нервно шевелит опущенной для лучшего размаха шашкой. Вот прут!

– Ну?! – вскрикивает молодой корнет рядом.

Р-раз! Сверкает тяжелая шашка и зверское «гек!» вырывается из груди рубнувшего от души драгуна. Прут прямо, не валясь соскачивает перерубленным местом вниз, в руки ловящего его другого драгуна, быстро вставляющего новый прут в крестовину подставки.

В другом месте, перед высоким хворостянным барьера – «херделем»⁵ – замялся драгун. Замялся именно он, а не конь, прыгавший через этот хердель сотни раз. Трухнул маленько отвыкший от прыжков здоровяк запасной, дернул руками неловко и сбил лошадь с расчета.

– Назад!

И снова летит сюда. Зажмурился… Опять струсили! Конь почувствовал этот страх, и опять «закидка». С двух – трех раз только прыгает он. И нужно его заставить прыгнуть и заметить вовремя все, что нужно, и помочь ему советом…

Среди запасных выделяются своей уверенностью «старики», или «действительные», как говорят про себя кадровые драгуны. Лихо и ловко пускают они своих напрыганных коней на высокий и косматый хердель и плавными, саженными бросками перекидываются через него со всей силой разогнанного карьером слитого с лошадью многопудового тела…

На других дворах пестрят ряды наклеенных на длинные доски мишенек, и шеренги запасных усиленно щелкают затворами винтовок. Лица серьезные, и в глазах яркое желание попасть «под середину» мишени.

Да, много еще работы! И все лихорадочной. Не по дням, а по часам создается все новое и новое, и крепнет уверенность в людях и в конечном, успешном результате своей работы.

---

⁴ Цвета фуражек иркутских казаков, не имевших в Российской империи статуса отдельного казачьего войска (формально Иркутское казачье войско было образовано уже в ходе Гражданской войны 10 июня 1919 г. указом Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака). – Прим. сост.

⁵ Хердель (от нем. *gerte* – «прут») – искусственное препятствие для скачек, сооруженное из прутьев или ветвей. – Прим. сост.

Завтра еду за запасными в один из наших глухих горных углов.

3 августа

Сейчас вернулся из казарм, приведя туда еще сто сорок крепких машин, зовущихся солдатами. Сто сорок человеческих жизней!

И у большинства семьи. Не будь эта война так популярна в России, было бы тяжело их вести.

А теперь!

Даже там, в глухой пограничной станице, раскинувшей свои кровли под столбами вечных утесов Тункинских гольцов,⁶ в этой вечной глупи таежных и горных пространств закипела ключом жизнь. И пустынный в это время белый меловой тракт окутан мелкой белой пылью, поднятой непривычным движением. Целые кавалькады всадников едут навстречу. Заглядывают в тарантас и, видя военную форму, атакуют его. Едут рядом и обсуждают события, и ловят жаждно новости, запоздавшие на две недели. Даже флегматики и хитрецы буряты из местных «урочищ», и те не выдерживают «духа времени», и после обычного приветствия – «Менду-у! Менду-мор!»⁷ – заводят разговор о далеком невиданном Западе, где живут неизвестные немцы, и о том, что творится там – и машут загорелой рукой туда, где на западе горит палевым светом под уходящим солнцем своим вечным снегом далекий Мунку-Сардык.⁸

И только мощные массивы Хамар-Дабана,⁹ сверкающие серебром и золотом на своих причудливых каменных гранях, да стены вековечной тайги, глухой и задумчиво-важной в сознании своей громадности, спокойны.

Они видели много! Вот в этом ущелье налево, что пропастью узкою упало среди мощных утесов перевала, наверное, не раз сверкало оружие, и прихотливо-причудливое горное эхо носило, резвясь, по каменным утесам отраженные ими крики ярости боя, звон стали и свист стрел...

А тихая звездная, мистически спокойная Даурская ночь, заглядывая своим призрачным светом в оттененное пирамидами сосен и шапками кедров ущелье, слышала не раз смешивавшийся с рокочущим звоном горного ручья и стон предсмертных мук.

И тут, в этих горных узлах, тропки и пути которых неизвестны, шла борьба. Падали старые расы, и на их костях жили новые... Наконец, и они, эти не сохранившиеся теперь племена, ушли, разбитые стальными бердышами и фитильными рушницами наших пионеров-казаков.

Да, они могут стоять важно и спокойно, эти горы и сосны... Они пережили много. И то, что творится теперь на белом свете, им не ново!

4 августа

Несчастье! Полк пока не идет. А так безумно хочется попасть туда теперь же...

Меня успокаивают многие.

– Успеете еще! Война еще не скоро кончится...

Ах! Как они не понимают, эти утешители, что нет сил сидеть тут, где газеты получаются лишь на девятый день, и мучиться своим принужденным бессилием.

Конечно, я пешка, маленькая и незаметная, каких миллионы в этой кровавой мировой войне.

---

⁶ Тункинские Гольцы – горный хребет на территории Бурятии, восточный отрог Восточного Саяна. – Прим. сост.

⁷ Приветствие по-бурятски. – Прим. сост.

⁸ Мунку-Сардык – вершина Саян, расположенная на границе России и Монголии. – Прим. сост.

⁹ Хамар-Дабан – хребет в Бурятии вдоль южного и юго-восточного побережья озера Байкал. – Прим. сост.

Но ведь и я смею думать, как хочу и чувствовать полно и ясно, что то, что творится теперь, быть может, никогда не повторится...

Быть участником мировой войны! Это счастье. И, если мне будет суждено уцелеть в этой войне, сколько нового и неизведанного я вынесу из нее! И наконец, как может не захватить душу всякого красота геройской защиты Бельгии!

Ведь это опять начало героического эпоса в жизни почти половины народов Европы!

6 августа

Ура! Через два дня еду. Устроился-таки! Хоть и жалко расставаться с родным полком и с теми людьми, из которых сам готовил бойцов, но... Что поделаешь, если они пока еще не идут... Дома слезы. Отец уже уехал. Я уезжаю. Брат бредит добровольцами. Матери тяжело...

Жена... Ну, что же! Буду жив, буду и счастлив! В сущности, нам, военным, не стоит жениться. А если уж и жениться, то только на женщине, обеспеченной своим трудом. Да и верно, чем жить жене молодого убитого офицера? Убьют меня, я знаю, что жена не пропадет. У ней свое дело; она молода; авось, будет и счастлива потом. Не я ведь один на белом свете! Это меня не заботит. Но неосторожным людям, успевшим в чине штаб-ротмистра развести целый выводок Колей и Ваней, тяжеловато.

9 августа

Как во сне промелькнули заплаканные лица родных и мелькание белых платков в конце уплывавшей назад из глаз платформы.

Гремят колеса, качается длинный вагон. По коридору и в купе суетятся пассажиры.

Раньше, когда я ездил по своим делам, эти первые моменты пути были самыми интересными. Устраиваясь поудобнее; знакомишься с пассажирами; смотришь на расписание и составляешь план – где обедать, где ужинать. И чувствуешь себя свободным, как бы стряхнувшим обыденность жизни на месте в течение долгого времени, жизни, незаметно опутывавшей человека своей серой паутиной «обывательщины». А теперь этого чувства нет. Нервы напряжены, как перед экзаменом.

Еду на войну. Это не шутка. Еду в неизвестность, и Бог знает, суждено ли мне увидеть снова эти бегущие мимо окон пожелтевшие березы и вечно юную зелень родных сосен и елей.

Глаза напряженно ловят эти летучие пейзажи и стараются без фотографического аппарата зафиксировать их в памяти.

Чтобы потом, в далеких чужих краях, на границе Смерти, иметь хоть минуту хороших воспоминаний о любимой Родине, о близких людях, нераздельно с ней связанных.

Мой эшелон впереди. Мы нагоним его дня через три. Пока я и трое еще, нагоняющих так же свои ушедшие уже части, едем как пассажиры.

И вот теперь мы чувствуем полно и ярко все привилегии свободных пассажиров.

Мы упиваемся ими.

– Пора обедать, пожалуй, уже три скоро, – провозглашает мечтательным желудочным тоном симпатичный доктор В., которого мы за его громадную фигуру прозвали «чемпионом».

– Ну, нет! – протестуем мы.

– Что из того, что скоро три? Мы пока еще не в эшелоне. Там успеем пожить по расписанию... А сейчас мы, может, последние дни в нашей жизни едем как пассажиры, как туристы... Захотим есть – и поедим, хотя бы и в семь часов утра... Какое удовольствие иметь есть тогда, когда хочется... «Там» ведь этого удовольствия мы не встретим. Захочется есть – обозов нету. Не хочется есть, а обед готов, и обозам после него надо уходить. Значит, нужно есть про запас, «на будущее время», ибо быть может и не придется обедать скоро.

– Да, что имеем – не храним, потерявши – плачем. Меткие, черт возьми, бывают иногда народные поговорки!

По вечерам весь вагон собирается у дверей нашего купе. Уж очень много смеху у нас.

Наш смех и шутки здорово пахнут нервами. Но мы чувствуем потребность смеяться, чтоб не грустить. Неизвестность будущего пугает даже издали. И вот мы шутим.

Бесконечные стратегические дебаты. Комментируем на все лады свежие телеграммы.

11 августа

Нагнал сегодня эшелон. Вылезли с поезда двое, я и один доктор, ехавший в наш же штаб. Нам отвели места в длинном вагоне первого класса, занятом штабом.

Только к вечеру удалось устроиться на новом месте.

16 августа

До чего мы привыкли к вагону! Будто бы и не жили никогда среди неподвижных, уверенных стен, не ходили по твердому, не качающемуся полу. Когда мы на станцияхходим на твердую платформу, нас шатает с непривычки. Едем уже неделю, да впереди еще полторы почти; пока мы доедем туда, сколько там перемен совершился...

В нашем вагоне собралась дружная семья. Наш генерал, не старый еще и симпатичный человек. Его начальник штаба, два адъютанта, начальник службы связи, три доктора и я, ординарец генерала. У нас с собой кухня, и мы имеем табльот¹⁰ под наблюдением одного из наших адъютантов. День мы проводим так: раньше всех, часов в семь утра подымается генерал и начинает бродить по вагону, мимо запертых купе. За ним подымается его сосед – начальник штаба, бодрый и живой, моложавый полковник, с черным от загара лицом. Они начинают бесконечные разговоры у висящей в коридоре карты военного театра. Слышно, как вестовые приносят им чай. Это начинает нас расшевеливать. Молодой корнет Д., спящий на верхней койке нашего двухместного купе, ворочается всем своим длинным телом и произносит:

– А старики-то уж бродят, слышите?

– Слышу, – откликаюсь я и добавляю:

– И даже чай пьют!

– Нн-да! – мечтает корнет, – хорошо бы чайку сюда! Да генерал в коридоре... Неловко сюда чай требовать...

– Ишь, изнеженность нравов какая! – смеюсь я, хотя в глубине души и согласен с ним.

– Нет уж! Вставайте-ка лучше!

Да и верно, пора; девятый в начале.

Мы встаем и вихрем проскакиваем в уборные умываться мимо начальства, чтоб не попасть им на глаза и не получить обычное:

– А вы, корнеты, только еще глаза прорвали? Стыдно! Стыдно!

Из уборной мы выходим с таким видом, будто б мы уже встали давным-давно.

Расшаркиваемся перед нашими «стариками».

Генерал бурчит:

– Засони! Девятый час, а вы только еще...

Корнет Д. отчаянно, не моргая, врет:

– Никак нет, Ваш-во, мы уже давным-давно на ногах, только еще не умывались... Мы уже много схем составили с поручиком...

¹⁰ Табльот (от фр. *table d hôte* – «хозяйский стол») – общий обеденный стол в пансионе, гостинице или ресторане. – Прим. сост.

А дело в том, что нам, молодежи, т. е. двум адъютантам, мне и Д., дана задача.

Каждый из нас изучает определенный район военных действий. Один – Восточную Галицию, другой – Западную, третий – Силезию и Померанию и, наконец, четвертый – Прусский фронт. И по получаемым ежедневно телеграммам каждый следит за переменами на своем фронте и составляет по картам схемы действий. Это скучновато – возиться с картами, – но очень полезно для нас, и мы, кряхтя над схемами, все же одобляем остроумную выдумку нашего начальника штаба.

За завтраком идет доклад генералу.

– Ну, что у вас там в Восточной Пруссии нового? – спрашивает генерал.

Сейчас точный доклад в ответ.

Даже наши доктора, а особенно мой спутник от И., увлечены этими докладами и оживленно дебатируют, когда генерал с полковником разбирают операции на всех фронтах за день.

Большая остановка. Звук «отбоя». Солдатишкы, как крупа, высыпают из вагонов. Назначена вывозка. Грохот, шум, топот. Из полутемных вагонов выводят одуревших от качки лошадей. Сначала они вялы и еле стоят. Но потом солнце и свежий, бодрящий воздух осени действуют на них.

И начинается брыканье, вырыванье поводов и телячью прыжки по влажной, твердой земле.

Только и слышно:

– Но, не балуй! Что! Что делаешь! Эй! Тпру!!

– Держи его, дьявола!

А дьявол, задрав хвост и отчаянно взбрыкивая одновременно всеми четырьмя застоявшимися ногами, уже вырвался у неловкого конюха и со звонким ржаньем носится по полосе отчуждения вдоль полотна, на котором длинной грузной красно-серой змеей растянулся наш сорокадвухвагонный поезд.

Команда связи, имея во главе длинноногого Д., выкатывает с платформ блестящие мотоциклеты и велосипеды. Прогревает машины и практикуется в езде. На отдельной платформе из-под груды брезентов и полотниц появляется на свет Божий сорокасильный защитный «Опель». Его чистят и обмывают от насыщенной за длинные перегоны пыли.

Нередко я и еще кто-нибудь из хорошо владеющих машиной садимся на мотоциклы и, справившись о дороге к следующей станции, летим туда на машинах.

Мелькают мимо глаз однообразные складки бесконечных полей Средней России. Вьется дорога, то опускаясь в балки, то подымаясь на покатые холмы. Бодрит живящий осенний воздух, пахнущий желтой листвой. Ровный гул машины приятно щекочет нервы. Тело и руки слились с машиной и бессознательно приспособляются к ее толчкам и броскам на ухабах. Хорошо и бодро!

И когда мы, сделав верст сорок по окружным путям, являемся на следующую станцию и через полчаса садимся вновь на только что подошедший наш поезд, мы чувствуем себя освеженными, как после холодного душа. Часу в шестом обедаем. Кончаем обед, прерываемый бесконечными разговорами – о войне, большой частью, – часов в восемь и продолжаем наши споры уже за вечерним чаем. А в девять часов наши «старики» уже укладываются спать. Правда, они еще читают в постелях, но, во всяком случае, они уже не толкнутся в коридоре и не стесняют нас. А мы собираемся в одном из купе, пьем бесконечный чай, едим столовыми ложками арбузы по штуке на брата; и часто далеко за полночь слышатся заглушенные раскаты хохота из запертого наглоухо маленького купе, где на двух спальных местах и одной походной табуретке умудрились разместиться дружной компанией шестеро здоровых мужчин. Потом, усталые от хохота, мы засыпаем, и назавтра опять то же самое...

18 августа

Все ближе к цели! Ехать уже надоело. День за днем одно и то же. Уж мы всячески стараемся развлекаться теперь. Я по целым часам торчу на паровозе. Практикуюсь в управлении. Авось пригодится там... Чем ближе к арене мировых событий, тем ярче отражение их на народе. Там, в далекой Сибири, куда эти события приходят смягченными громадностью расстояния, переживания масс не так остры.

Здесь, в Западной России, они ярче. Война задала личные интересы, злобно и резко пробудила много спавших до сих пор чувств. На станциях девушки, по виду из учащихся, прикальывают выходящим из вагонов офицерам цветы. Наше с Д. купе все увешано бутоньерками. Даже «старики» наши с цветами.

Встречаем много беженцев с юго-запада. Рассказывают ужасы. И сердце, и кулаки сжимаются острым, тяжелым чувством ненависти к прусскому каблуку, пытавшемуся растоптать все, что создано не им.

Масса поездов с ранеными и пленными.

На остановках, когда рядом с нашими вагонами стоят эти передвижные госпитали, наши глаза пытливо впиваются в лица раненых, стараясь прочесть на них – велики ли были перенесенные ими страдания? И этот вопрос заботит и не дает покоя нашим пока здоровым еще телам.

– Ты куда ранен?

– В ногу, пониже колена... – охотно отвечает бойкий малыш-первогодок.

И вопрос тут как тут – будто кто за язык тянет:

– А больно было, когда ранили?

И весь организм ждет ответа.

– Нет! Не заметно было. Потом уж заболело...

– И сильно?

– Нет... Не дюже болит...

И будто успокоившись от этого ровного тона, и ожидание возможных близких страданий уже не пугает. Но если раненый ответит:

– Беда, как болело... Все жили вытянуло прямо...

Тогда действительно беда! Чувствуешь, как тело протестует против возможного близкого насилия над его целостью. И неприятная жуть ползет по нему. Впрочем, это инстинкт. С ним можно бороться умом. Но все же нет-нет и подумаешь, шевеля рукой или ногой:

– Вот я сейчас свободно двигаю своими руками, когда и как хочу... А через неделю, быть может, это движение будет для меня адски мучительным, если не невозможным совершенно...

Как все-таки дорога жизнь и здоровье, особенно когда им что-нибудь хотя бы издали угрожает.

Пленных везут тысячами.

Австрийцев больше. Они более симпатичны, чем немцы. Впрочем, это понятно, ибо среди первых масса русин и поляков. Они все понимают по-русски и сами говорят на каком-то странном полурусском, полупольском языке. Сначала непонятно, а с двух-трех фраз можно уже разобрать большинство слов.

Они держатся скромно и слегка туповато и вяло. Немцы напыжились и, несмотря на свое положение пленных, держатся вызывающе, будто б они, а не их конвоируют. Иногда нагляд до невозможности. На одной из станций, где мы хотели напиться кофе и достать свежего печенья, в зале первого класса мы застали важно развалившихся по стульям пленных немецких офицеров. Они позабирали в буфете все, что там было свежего, и даже не встали, когда в зал вошли мы, имея во главе генерала. Последний так возмутился их наглыми взглядами сверху

вниз на нас, что приказал конвоировавшему их прапорщику из запасных вывести их из зала и посадить по вагонам.

Недовольные немцы с демонстративными дерзкими взглядами вышли из залы, преследуемые враждебными взглядами станционной прислуги, запуганной словами конвоира-прапорщика, сдуру им брякнувшего, что пленных немцев приказано всячески ублажать и кормить во всю в дороге.

Как фамилия этого дурака – не помню.

Удивительно необидчивый народ мы, русские!

Немецкие толпы вооруженных дикарей насилиют наших женщин в пограничных городах нашего же государства, а мы за это кормим их пленных горячими булками и поим свежим кофе. Где у нас обидчивость? Или нет ее совсем? В газетах промелькнуло сообщение (не знаю, факт ли?), что на одном из волжских пароходов капитан, имевший на борту партию пленных немецких офицеров, закрыл буфет 1-го класса для всех пассажиров, предоставив в распоряжение первых весь свой буфет. Интересно, сделал ли бы он это, если б его жену в Калише изнасиловала целая рота пьяных немецких солдат с тупо-животными физиономиями (если только у них есть физиономии)!

Солдаты наши мрачно глядят на немцев. Зато с пленными австрийцами быстро дружат.

До сих пор не знаем, куда мы едем. Получаем каждый день новое расписание станций на десять – и только! Тщетно гадаем – в Австро-Италию или в Пруссию? Наш вагон разделился на две партии; большинство стремится в Краков.

Наш старый дивизионный врач соблазняет нас краковянками и рассказывает чудеса о Кракове, где когда-то в молодости он жил.

Меньшинство стоит за Пруссию. «Там главное дело, – убежденно говорят они. – А австрийцы – это так...»

Я лично за Австро-Италию. Хочется побывать на юге.

Да и участие на фронте, где заранее все уверены в победе, привлекает. А Пруссия кажется холодной, неприятной и какой-то жуткой.

Какая все-таки колоссальная перемена за десять лет.

Где все эти пресловутые телеграммы:

«Перевалив Урал, шлем привет и т. д.», и подписи en toutes lettres¹¹ – «офицеры такого, № такой-то, полка».

Теперь не то! На громадном протяжении, от границ Тихого океана и до песчаных холмов Западного края по одно- и двухколейным стальным путям движется сплошная, непрерывная змея поездов. Эшелон за эшелоном, полк за полком, корпус за корпусом идут и идут. Идут молчаливо и серьезно. Куда? Они не знают!

Да и нужно ли знать? Нет! Не нужно. Увидим сами, где будем драться.

А зная мы заранее это – долго ли до греха?

И без желания проболтаться можно. А сколько тут шпионов понасыпано во всех этих Лунинцах, Пинсках, Гомелях и прочих трущобах этого края. Да, научились мы многому за японскую войну. И приятно сознавать теперь свою разумную силу. Приятно чувствовать умелое спокойное руководительство этими миллионами штыков, мощь которых висит на кончике карандаша двух – трех умных людей. Очевидно, это же сознают и те, которые уже дерутся. Поэтому-то, наверное, и идут так блестящие наши дела, что теперь у нас «полный порядок» и «строгая обдуманность» всякого нашего шага. И это сознание дает большую уверенность нам, чем лишний корпус резерва в бою.

А все-таки, кажется, едем в Люблин. Говорят, великолепные есть клиники у венгерских конных полков. Вот бы забрать парочку... Ну да увидим, что судьба пошлет!

---

¹¹ Полностью (фр.). – Прим. сост.

Завтра 10-й день пути! Скорей бы! Скорее!

20 августа

Вот тебе и Австрия! Вот тебе и клинки стариные и столетнее вино!

С курьерской скоростью летим на северо-запад! Попали-таки в Пруссию! Судя по некоторым данным, там обстановка значительно серьезнее, чем в Галиции.

Не знаешь, чему верить... Одни говорят одно, другие – другое, а газеты – третье... Причем всякий из рассказывающих освещает факты по индивидуальности. Пессимист – плачевно, оптимист – все в розовом цвете, а скептик – с мрачной угрозой в голосе. Довольно крупная, но, по существу, ничего важного не представляющая неудача корпусов Самсонова комментируется на тысячи ладов.

Не знаю... Нам, по крайней мере, она не кажется ни угрожающей, ни значительной. Во всякой войне возможны случайности. Все предвидеть нельзя.

А большие потери – так разве можно без потерь обойтись в войне, завлекшей в свои ряды десятки миллионов людей! Раненых оттуда довольно много. И оригинально вот что: тяжело раненные – серьезны и строги. Они правдивы, в большинстве, и говорят только то, что сами видели. Легко же раненные – врали несносные. Особенно те, у кого пустяковая, по существу, рана болезненна. Оторван у здорового парня палец. Ведь это пустяки в сравнении с его жизнью и, наконец, с теми ранами, что видны кругом. Но ему больно, и он поэтому начинает все видеть в самом мрачном свете.

Спрашиваем его:

– Ну, как у вас там? Говорят, потери большие?

– Беда, – уныло отзыается он, – всех побили в полку...

– Что ты чушь несешь! Как так, уж и всех побили?

– Так уж, – подтверждает он, – командир убит, офицеры побиты, солдаты побиты...

Недоумеваем!

– Ну, а дела как?

– Что дела! – машет он здоровой рукой. – Плохо наше дело... Немца сила прет... Не сстоишь...

– Не верьте ему! Это ненормальный человек. Это особый психоз какой-то: если больно человеку, ранили его и он страдает, ему хочется, чтобы и все, кого он знает, тоже были ранены. Раз ему плохо, все, значит, плохо.

И вот, на вопрос о потерях он искренне отвечает:

– Усе побиты!

Так ему легче переносить свою боль. Это эгоизм боли, своего рода.

А что он мог видеть, кроме своих товарищей по взводу, много – роте? Еще смерть ротного командира он мог заметить, но... гибель целого полка? Определенно, врет!

Это подтверждается. Кто-нибудь из тяжело раненных поворачивает свою больную голову в сторону разговаривающих и слабо, но строго произносит, часто с усилием:

– Не бреши... Что врешь, как пес... Откуда ты узнал-таки свежи новости?

Легко раненный конфузится и, потупив глаза, замолкает.

Многие «легкие» привирают просто для «шику»:

– Вот, мол, мы герои какие! В каких ужасах были.

Не верьте! Не верьте им!

23 августа

Итак, наше бесконечное путешествие кончено. Мы прибыли на место. Последние переходы мы были «начеку». И ехали, имея на паровозе вооруженных солдат. Чем ближе мы подъезжали к Осовцу, тем больше слухов ходило о наших действиях в Пруссии.

Помню наши последние сутки в поезде. Все нервничали с утра. На каждой станции ожидали высадки. Но... нас везли дальше и дальше. И эта неизвестность начинала становиться невыносимой. Мы были уже в районе войны, и наши письма домой носили штемпель «Действующая армия». Все лихорадочно схватились за эти письма. Хотелось в последний раз черкнуть несколько слов туда, где все мирно и тихо, описать свои ощущения перед жутким «завтра».

И чуть ли не все письма начинались словами:

«Завтра мы будем в бою...»

Боязни не было. А просто страшно шалили нервы.

Слишком мы долго их натягивали ожиданием, и вот теперь они просили какой угодно, даже тяжелой по переживаниям работы, лишь бы избавиться от этого жуткого, бездеятельного ожидания.

Тут мы поняли, насколько тяжело подъезжать к войне. Еще если бы мы шли долго походом, тогда было бы легче, проще войти в огонь. Но прямо из вагона, как мы думали вчера, из относительного комфорта и покоя, и сразу в никогда не испытанный до сих пор ад, называемый боем – это... благодарю покорно! И мы готовы были на крыльях перелететь отделявшее нас от позиций расстояние, лишь бы без долгого ожидания сразу начать бой. Но не ждать его в вагоне и не думать о нем на тысячи ладов. Впрочем, я, может быть, слишком смело поступаю, приписывая свои личные переживания всем своим спутникам, но, насколько мне понятно стало из наших разговоров, все мы чувствовали и думали приблизительно одинаково.

Но боя не вышло. И пока еще не предвидится. И немцы от нашей границы в этом пункте, по слухам, верстах в пятидесяти. Полки нашей дивизии высадились еще позавчера и прошли походным порядком от Осовца в Граево. А вчера поутру наш эшелон отвели в треугольник путей, верстах в десяти от крепости, и там мы начали высадку. Расцепили платформы и вагоны, чтобы сделать возможным проход через поезд и облегчить его разгрузку по частям. Нанесли с путей шпал, рельсов, балок; устроили импровизированные сходни и принялись за дело.

С грохотом двухаршинных колес скатывались груженые доверху двуколки и санитарные линейки. С бесконечными криками и возней выводили лошадей и тут же запрягали их, еще не опомнившихся от темноты и качки, в эти двуколки. Грузили вещи наши и свои на подводы. Человек пятьдесят возились над громадным автомобилем. Подсовывали под его колеса все новые и новые шпалы и на канате спускали помаленьку с платформы. В кузове, геройски выдерживая опасность быть перевернутым и раздавленным, сидел шофер и тормозил медленно сползавший «Опель», накренявшийся то на один, то на другой бок своим высоким и громоздким серо-зеленым кузовом. Другие пятьдесят человек, тоже толпившиеся около автомобиля, хотя и не делали ничего, но зато кричали и сутились больше всех, пока их не разогнали по двуколкам. Славное раннее утро все было наполнено весельем и отрывочным гамом рабочей суеты. Раньше других изготовившиеся велосипедисты и мотоциклисты уже успели сделать разведку пути – как возможно скорее попасть в крепость, где нас ждало решение нашей участки.

Через час походная колонна была готова, и мы, с грустью кинув прощальный взгляд на ставший нам родным за две недели пути синий вагон, уселись в автомобиль. Два-три гудка, и мы понеслись, ныряя и сбочиваясь на песчаных косогорах проселка, шедшего от железной дороги к шоссе. Выскочили с крутым виражем на каменное полотно большой дороги и дали полный ход.

Через десять минут мы были у ставки временно командующего нашей армией. Пустынная и тихая площадка перед зданием офицерского собрания оживлялась нескользкими автомобилями и верховыми лошадьми, оберегаемыми полусонными шоферами и вестовыми. Генерал и полковник вышли из автомобиля и направились в штаб. Мы, молодежь, остались на улице в ожидании решения нашей участи. Но, видя, что о нас, очевидно, забыли, рискнули и также направились в манившее своей прохладной тенью низкое и широкое здание собрания. Там, в пустых залах, уставленных по шаблону красивой и одноцветной мебелью, с портретами Государей, строго глядевшими с расписных стен, было тихо и важно. У одной из дверей, ведущих в половину, занятую командующим армией, сидели два молоденьких ординарца-корнета. Их сонные физиономии говорили о долгом ожидании. Из-за запертых половинок дверей доносились смутным гулом голоса, низкие и басистые.

Здоровый и жизнерадостный адъютант В. съежил свою плечистую фигуру и трагически произнес:

— Архиереем пахнет...

Мы приснули в кулаки, как школьники, чтоб не услышали там, за дверью. Спросили ординарцев.

— Что там? Не знаете, что они... что делают?

— Заседание... — лениво щурясь, произнес один из корнетов, постарше.

А другой добавил:

— Да вы идите вон туда, там буфет есть...

— Да ну? — радостно изумились мы и мгновенно «испарились» из нагонявшей сон и тоску мрачной залы. В другом конце здания мы действительно нашли хорошо обставленный буфет и, заказав завтрак на всю компанию, уселись на залитом солнцем маленьком балкончике, выходившем в собранский сад. У буфета начал собираться народ. Появились офицеры уже дравшиеся давно полков.

— Откуда вы?

Оказывается, проходом через Осовец. Меняется обстановка и очень резко. Вот и «рокируемся».

Опять, конечно, вопросы:

— Ну, как у вас там? Как немцы? Что нового?

И самые разноречивые ответы.

Одни ругаются, другие все хвалят. Сходятся все на одном, что немец — серьезный враг, и что у нас в эту кампанию блестящее руководительство. Бывают, конечно, прорухи, но... от этого ведь на войне не убережешься... Кормят отлично... Снабжены всем... Одно горе — с письмами! Ничего не получается из дома.

Один толстенький штаб-ротмистр убитым тоном объяснял всем, что вот, мол:

— У меня жена родить собралась, когда я ушел... А у ней роды всегда тяжелые... Двенацать телеграмм и писем туда послал, а так и не знаю — жива ли она, умерла ли... Есть ли ребенок...

Действительно, «корявое» положение!

В конце столовой послышались грузные, уверенные шаги. Все встали. Вошел генерал Р., командующий пока армией. За ним его штаб и наши «старики».

Наш генерал представил нас командующему.

Затем завтрак продолжался, но уже более чинно и тихо.

После завтрака обстановка начала выясняться.

По сборе всей дивизии мы должны были занять укрепленные позиции на нашей границе у Граево и... ждать. Дальнейшее зависело уже от судьбы.

У нас вырвался вздох облегчения, ибо мы еще в поезде побаивались, что нас могут оставить гарнизоном в крепости... А это — удовольствие серое!

Закипела работа. На железнодорожной станции шла суматоха. Подходили все новые и новые эшелоны. Одни высаживались здесь, другие продвигались дальше, за крепость, чтоб не затормозить движение пробкой из тысяч тел. Получались и лихорадочно изучались карты района действий. Летали взад-вперед приказания, словесные и письменные. Я попал в страду. За эти сутки я раз пятьдесят носился по всей крепости и по окрестным mestечкам, то верхом, то на мотоцикле, то на автомобиле. Передавал приказания, отвозил карты, проверял номера эшелонов, ругался с начальником станции и спал за сутки всего четыре часа... Но работа на голодные зубы веселила и пьянила, и я чувствовал себя великолепно...

Сегодня после обеда двигаемся дальше.

25 августа

Мы на позициях. Так же весело светит солнце. Так же ярко горит в его лучах желто-красная листва деревьев. На полях пусто и мирно. Хлеб уже собран. По утрам и на вечерней заре на юг тянутся бесконечные стаи птиц, ныряющих в светлой осенней лазури неба. Как все тихо и мирно!

Но это только кажется!

В этих уютных перелесках круглые сутки лежат притаившиеся секреты. Днем для шпионов, вечером для противника. А мирные на вид поля?

Вы идете по жниву. Тишина. Воздух чудесный.

Какая благодать вокруг!

И вдруг – бух! Валитесь куда-то... И с изумлением видите себя на дне здоровенного окопа, удачно замаскированного кустиками и вялой зеленью.

Вокруг вас песочно-серые фигуры солдат, со смехом встречающих ваше эффектное вторжение в их среду.

– Не ушиблись? – заботливо спрашивает большебородый унтер с двумя «Егорьями»¹² за Артур на измазанной груди рубахи.

Смотрите налево, направо...

Узкий и глубокий ров опоясывает незаметную неопытному глазу возвышенность, дающую великолепный обстрел и командование над окрестностями. В окопе весело и даже, если хотите, уютно по-своему. Винтовки установлены в пирамиды. Весь окоп разбит на участки, повзводно. У каждого свое место и у бруствера – для огня, и внизу – для отдыха. Правда, там от свежевзрытой земли сырвато, но это не суть важно; зато весело! Обед привозят вовремя. Вовремя сменяют дежурную часть, заменяя один полк другим. Погода – лучше желать нельзя! Не жарко и не холодно. И даже белую булку достать можно в поселке и распивать чаи, сидя под прикрытием саженного бруствера. И развлечения есть: то шпиона в леске поймают, то аэро-план немецкий кружиться да высматривать все, что внизу делается, станет...

Штабы полков и наш штаб в самом поселке разместились.

Поселок брошен или почти брошен жителями, напугавшимися вздорных слухов о подходе немцев.

Беднота-то еще живет, а кто побогаче да потрусливее, значит, давно уже выехали. Лавки и маленькие магазинчики заперты. Частные дома заколочены.

Мы разместились всем штабом в покинутом здании таможни. То есть, не в самой таможне, а в квартире ее директора. Жалко и досадно видеть, как по людской глупости и труслисти разрушены уже сложившиеся надежно и укладисто семейные очаги.

---

¹² «Егорий» – одно из неофициальных народных названий знака отличия Военного ордена Святого Георгия, которым награждались нижние чины за выдающуюся храбрость, проявленную в боях против неприятеля. Высшая воинская награда для солдат и унтер-офицеров. – Прим. сост.

Очевидно, семья нашего бывшего хозяина квартиры бежала в паническом страхе. Иначе ничем нельзя объяснить этот кавардак во всех одиннадцати комнатах. С собой взяты только деньги, драгоценности и необходимое платье. Книги, костюмы, дамское и детское белье, лампы, картины, ковры, посуда и мебель – всеброшено в беспорядке. По опрокинутым картонкам и корзинкам с кучами валяющейся подле них на полу рухляди видно, как торопились укладываться, совали, что попадется под руку, в узлы, бросали нужное и брали ненужное одуревшие от испуга люди.

Даже ноты на открытом рояле брошены развернутые.

Один из нас подошел к клавиатуре, и аккорды струн, знакомые и давно не слыханные, четко и странно прозвучали в жутко опустелом доме.

Благодаря стараниям наших вестовых весь беспорядок был вскоре ликвидирован, и квартира приняла жилой вид. Зажглись вечером лампы и осветили накрытый в обширной столовой скромный обед. Исправлен был засоренный водопровод. В кухне ярко горела плита, радуя своими раскаленными до красна конфорками взгляд нашего повара, уже стосковавшегося по приличном кухонном очаге.

С непривычки было странно сидеть как дома в чужой квартире, на чужих креслах, читать книги из чужой библиотеки. Казалось, вот-вот войдут хозяева; до того была нелепой эта мирная, тихая обстановка рядом с паническим бегством хозяев.

Первую ночь мы не отважились спать на брошенных шикарных кроватях, но сегодня решили улечься на них, чтобы дать отдохнуть уставшим от походных коек ребрам.

Остальные пустые квартиры в mestечке, не занятые нашими полками, генерал приказал запереть и охранять. А то обокрадут местные воры, а потом будет все свалено на нас.

– Солдатики, мол, растащили!

По границе шныряют наши разъезды. Они осветили уже местность приблизительно верст на тридцать вглубь Пруссии. Они доносят, что порубежные деревеньки брошены пруссаками и стоят опустелыми. Казачьи разъезды ворочаются с сигарами в зубах. Вообще, откуда-то появилась масса сигар. Идет по улице замусоленный стрелок-татарчонок и сосет довольно дорогую сигару.

– Откуда это ты, братец, раздобыл?

– Казаки, ваше-дие, дали. С немецкой земли привезли!

– Ну и что же, нравится она тебе, сигара-то?

– Так себе... Махорка слаше, ваше-бродь!

– Чего же ты тогда ее не куришь?

– А мы махорку-то бережем про запас. Не век ведь стоять тута будем, – скалит зубы стрелок.

Солдатики (да и не они одни, впрочем) недовольны сиденьем без дела. Утешаем – погодите, ребятишки! Успеете еще наработать...

26 августа

Вчера ночью было маленькое столкновение нашего разъезда с прусскими фуражирами. Окончилось за темнотой ничем. У нас потерь нет.

Война перестала пугать. Теперь все ясно и определенно. Ждем немцев. Придут – начнем драться. Вот и все. И вся война тут! А вот когда едешь по тылу да все время слушаешь разные ужасы – другое дело!

Сегодня в обед усиленно обстреливали появившийся с прусской стороны аэроплан. Он начал качаться и какими-то странными рывками то опускаться, то подниматься. Меня послали с мотоциклистами и велосипедистами захватить его, если он упадет. Мгновенно разогрели

машины, и, вскочив на седла, дали ход по песчаному шоссе, шедшему к границе. Местами завязали в песчаных и глубоких колеях, но все же летели вперед.

А ясно видимый уже желто-серый аэроплан с загнутыми назад кончиками крыльев отчаянно боролся с падением и выделывал все новые и новые спирали, пытаясь ввинтиться в голубую высь и уйти от нас. Но напрасно! Какая-то невидимая сила будто бы прижимала его к земле...

И вот мы под ним почти... Сверху сухой и короткий выстрел – очевидно, из револьвера катнули по моей команде. Последним усилием «гигант-голубь»¹³ относит свое пробитое пулями тело в сторону от дороги.

Нам туда не проехать по пахоте...

Бросаем машины и, приготовив револьверы, бежим из всех сил к тем вон высоким деревьям, вершин которых уже касается своими кривыми крыльями падающая «птица»...

Вдруг... Что это? Отчаянное «Ги-ги-их!», и откуда-то из кустов вылетает десяток казаков и во весь мах лошади летит туда же, куда бежали и мы.

Им ближе, да и они на конях...

Сыщен треск, и «птица» скрылась из глаз.

Выстрел... другой... Крики...

Задыхающиеся от бега, с открытыми трубкой, опаленными дыханием ртами, мы подбегаем к группе деревьев. Выскакиваем на поляну...

На ней лежит грязно-желтая груда парусины и какая-то причудливо искривленная решетка... Рули, тросы, весь фюзеляж и кабинка помяты и разбиты. На них следы сотен пуль...

Кучка казаков наклонилась над чем-то...

Расступаются... На траве лежит черно-красная куча чего-то. Лоскутья кожанки, шапка с респиратором. Искривленное лицо в свежей крови, и новешенькие желтые гетры. Другая кучка полусидит около поломанной кабинки и шевелит одной рукой в кожаной рукавице с крагой до локтя.

– Ну, что тут такое? – обращаюсь я к высокому уряднику – начальнику разъезда.

– Да вот, ваше-дие, ероплант, значит...

– Вижу, да не про то я... Что с ними? Разбились?

– Никак нет, – обиженно говорит урядник, – порубили!

– Ах, вы, идиоты! Да ведь их нужно было живыми взять!

– Ну, на што их, собак, ваш-бродь...

– Да ведь приказано, болван ты этакий! Разве ты сам-то не мог сообразить, что от них узнать можно было многое! – волнуюсь я.

– Не могу знать, – тупо, но решительно отвечает урядник. – Воны выстрелили, ну а мы их порубили...

Нагибаемся над трупом и полуторупом. Пытаемся говорить с недорубленным летчиком, что все еще шевелит рукой.

– Kosaken... kosaken...¹⁴ – хрипит он, не открывая глаз.

Затылок у него разбит, и левая рука почти отрублена у плеча. Приказываю поднять его и нести на перевязочный пункт. Но от первого же движения изо рта раненого выливается целый поток крови, черной и густой. Глаза мигают и закрываются.

Что-то булькает у него внутри, он деловито опускается на бок и лежит неподвижно.

Готов. Приказываю обыскать. Забираю окровавленные связки карт, записок, книжек для донесений и писем из дома, наверное. Ставлю часовых у аппарата и, забрав всю свою команду, ворочаюсь в штаб.

---

¹³ Очевидно, речь идет об одном из германских самолетов марки «Таубе» (от нем. *taube* – «голубь»). – Прим. сост.

¹⁴ Казаки (нем.). – Прим. сост.

И долго из головы не выходит это последнее предсмертное бульканье белокурого немчика.

Оригинально все-таки то, что, если бы такую смерть увидеть на улице города или в шикарно обставленной квартире на Невском проспекте, например, она произвела бы в десять раз сильнейшее впечатление и пугала бы ужасом преступления.

А тут было просто неприятно физически видеть здоровое человеческое тело, из которого ударами обыкновенных стальных полос, только отточенных, выбита жизнь. Велика сила привычных взглядов!

Объезжаем позиции со «стариками». Ну и дороги!

Даже наш мощный для своего легкого корпуса «Опель» завязает в этих проклятых песчаных буграх.

А уж брать с собой мотоциклеты – абсолютно, по-моему, бесполезно! Они хороши только на маленьких кусочках хорошо сохранившегося шоссе. А тут выбоины или, особенно, песок – слезай! Велосипед в этом отношении более применим. Он проедет по самой тоненькой ниточке, а мощная шестипудовая машина застрянет и остановится. Под дождем, надо полагать, будет еще хуже.

Да и потом, в случае порчи, что за мука тащить шестипудовую тяжесть по глубоким песчанным колеям!

Правда, дороги здесь, на западе, пока еще хороши, но это только пока. Через месяц-другой их так разобьют миллионы двухколочных колес, что и узнать их будет нельзя. А тогда польза от дорогих машин сведется к нулю.

Как живучи мелкие людские интересы!

В Граево уже появились мелкие торгаши. Идет оживленная торговля белым хлебом, сахаром, скверной колбасой и таким же табаком...

Говорят, Ренненкампфу приходится тяжело. На него что-то очень начали напирать.

В общем, мы здесь пока еще ничего не знаем. Телеграммы, издающиеся в Белостоке и попадающие к нам, слишком лаконичны, чтобы можно было что-либо по ним понять.

Говорят, это перед крупными событиями.

Дай Бог; надоело ничего не делать!

28 августа

Вчера за весь день ничего нового.

Зато сегодня за день я лично пережил многое.

Соседний корпус потерял с нами связь.

Нас с ним связывает летучая почта из казачьих постов.

На протяжении семнадцати верст, разделявших нас друг от друга, стояло штук пять постов.

Вдруг вчера сообщение прервалось. Посланые туда записки куда-то потерялись. Телеграфное сообщение оказалось прерванным. Из штаба армии пришло категорическое приказание связаться с оторвавшимся корпусом.

В девять часов утра сегодня – только что я умылся – меня позвали к генералу. Он и полковник сидели, низко нагнув седоватые головы над картой, и о чем-то совещались.

– Вы ведь хорошо владеете мотоциклетом? – спрашивал начальник штаба.

Странный вопрос! Спортсмен, гонщик, и вдруг не будет знать машины!

– Владею, так точно, – говорю.

Вступается генерал:

– Во сколько времени вы можете проехать до Р.; тут всего семнадцать верст и дорога идеальная.

– В двадцать минут, ваше-во, – отвечаю.

– Смотрите сюда, – и на карту показывает.

– Вот... Мы вот тут... Здесь – Райгород. Там штаб N-го корпуса. Вы обязаны отвезти туда вот этот пакет... Прочитайте его, чтобы в случае чего уничтожить...

– Ого! Дело пахнет не шуткой! Читаю внимательно.

– Запомнили? Ну, вот. Возьмите лучшую машину и самого надежного моториста-проводившего. Имейте в виду, что на шоссе могут оказаться немцы. Донесение ни в коем случае не должно попасть в их руки. Собирайтесь, с Богом.

Ну, слава Богу, первое серьезное поручение получил! Бегу распоряжаться и одеваться.

– Куда? – спрашивают товарищи.

– Поздравьте! Еду с важным поручением!

С завистью смотрят.

– Почему же не из нас кто-нибудь?

– А на что же тогда ординарец, я? – парирую их вопросом же.

Выхожу. «Старики» крепко жмут руку. Полковник шепчет:

– Осторожнее все-таки... Зря не рискуйте...

Машина прогрета. Бензину – на сто верст. Осматриваю каждую гайку, ибо из-за собственной неосторожности может пропасть все.

Готово. Веду машину; на ходу даю «магнето».

Послушная «Индиана»¹⁵ вздрагивает и всем своим мощным красным телом бросается вперед.

Еле успеваю поймать на бегу педаль и сажусь на низкое и широкое седло.

Тук-тук-тук-тук-тук...

Ровно и четко отсчитывает вспышки мотор.

Ровным стуком ему вторит сердце. Немного волнуюсь, но это ничего!

Выезжаю на площадь. То и дело выключаю мотор и бесшумно, инерцией проскальзываю между бесконечных обозов и торговых палаток, разбитых перед старинным костелом. Зевак окликаю голосом – давать гудки среди диких крестьянских лошаденок рискованно. Как раз наделаешь такой «тарарам» среди возов, что и машину поломаешь. Но вот и шоссе. Высокое Распятие на каменном почерневшем пьедестале. Потемнел и Крест, «крыж свентый» по-здешнему. Сколько молитв и слез видело это темное примитивное Распятие! На камне под ним засохший пучок цветов – скромный дар плачущей по целым дням Марыси, молившейся перед строгим Иисусом о далеком Стасе, дерущемся в неведомой Галиции против несносных швабов, побей их Матка Божска!..

Перед глазами лентой, белой и ровной, легло знаменитое Сувалкское шоссе. Оно мощено и довольно прилично.

Но беда вся в том, что даже самая лучшая мостовая требует за собой ухода. А тут, на этой дороге, его недостает. Во многих местах матрац шоссе, вместе с сохранившейся на нем мостовой, осел, подмытый снизу на пол-аршина ниже общего уровня дороги.

Рассмотреть такой колодезь трудно, ибо он сливаются с общим белым фоном дороги. Замечаешь его уже тогда, когда переднее колесо машины на сажень от края ямы... Лихорадочно нажимаешь ножной тормоз, но... сила скорости (а мы летим километров на шестьдесят в час) тащит машину, и, только призвав на помощь все свое хладнокровие и умение,держиваешься в седле, звенящем от страшного толчка. Руль вырывается из рук, и машина рыскает в течение нескольких секунд то туда, то сюда... Справляюсь!

Пять – шесть сажен – и новое препятствие: обнажился от песчано-щебнистого тюфяка нижний слой острых каменных плит. Беда, если не досмотришь! К черту шина, а то и глуши-

---

¹⁵ Американская марка автомобилей, выпускавшаяся в 1911–1940 гг. – *Прим. сост.*

тель сорвешь нелепо высунувшимся из грунта острым камнем. Опять шипит заторможенное заднее колесо, а продолжающая работать «в себе» машина сотрясает и бьет всю раму резкими, нервными толчками.

Зато где ровный кусочек попадется – тут уже прямо наслажденье! И про немцев, могущих оказаться на дороге, не думается!

Все больше и больше нажимаешь рычаг, отводя его до предела. Мотор уже не стучит, а с веем и гулом бросает машину навстречу ветру и пространству.

Далеко, далеко, еще на том вон холме показались черные точки...

Что это? Немцы ли? Крестьянские ли фуры?

Ходу! Рычаг отведен до отказа... На мгновение даю холостой ход, ибо знаю, что потом, когда включишь мотор, скорость еще более увеличится от толчка...

Включаю... Машину рвануло и понесло...

Даю гудки, а затем, с трудом справляясь левой рукой с кидающимся рулем, свободной рукой нашупываю холодную и плоскую рукоять браунинга в поясной кобуре.

Мимо мелькают будто стоящие на месте фуры. Часы на руле показывают, что мы едем уже пятнадцать минут. Скоро должен быть и Райгород!

Спускаюсь с покатого холма и с размаху влетаю на высокую горку...

Стоп... Что это? Мотор не работает.

Слезаю. Осматриваю все. Будто бы в порядке вся машина. Начинаю работать. Свеча, отвинченная от карбюратора, дает вспышки при каждом нажиме педали и рукоятки... Значит, не она виновата! Не переели ли трос какой-нибудь? Нет, все они в порядке. Разбираю карбюратор, правда, поверхностно, ибо времени дорого. Продуваю, чищу. Пускаю бензин в цилиндры. Пока он там есть, машина берет. Выгорает он – стоп!

Значит, надо развинчивать весь карбюратор.

Вот горе... А Райгород – вот он! Рукой подать. Подходят из ближайшего фольварка крестьяне. Здороваюсь и вспоминаю:

– А где же мой моторист? Его нет...

Делать нечего. Чтобы не терять времени, отдаю машину на сохранение крестьянам, предупредив их об отставшем моем спутнике.

– А немцев нема? – спрашиваю.

Оказывается, еще вчера вечером на шоссе выезжал немецкий разъезд человек в пятнадцать. А около Райгорода, вот тут, под боком совсем, на винокуренном заводе, стоящем в лесу при дороге, дня три уже (по слухам) ночуют немцы. Их человек пятьдесят. Днем они почти не выходят. А если и выходят, то переодетые. Сегодня рано утром хлеб на заднем фольварке весь позабирали. Наших по близости нет. В Райгороде много «жолнержев»,¹⁶ стояло и «гармат»¹⁷ много, а вот вчера поутру все ушли... Седоусый поляк-крестьянин мерно и монотонно говорит ломанным русским языком, вставляя через слово обычное «прошу пана»... В голове у меня сумбур.

Вот так влетел в историю!

Что же делать? Старик не врет, это видно. Да и зачем ему врать?

Решаюсь идти пешком. На ходу машины одетая под китель толстая фуфайка грела, а теперь «на своих двоих» в ней очень жарко.

Прохожу пустынный Райгород. Жителей почти нет, попрятались куда-то. Редкие встречные подтверждают, что немцы тут везде бродят.

Загибаю в лес и иду, прячась, как вор.

---

¹⁶ Очевидно, автор не точно приводит польское название солдат-пехотинцев – жолнеров (польск. *zolnierz*). – Прим. сост.

¹⁷ Вероятно, автор говорит об артиллерию (укр. *гармат* – «пушка»). – Прим. сост.

По расспросам я выяснил, что корпус, разыскиваемый мною, ушел вчера на Августов. Теперь понятна потеря связи. Телеграф порван шпионящими немцами-разведчиками. Наши донесения перехвачены. Надо спешить. Набавляю ходу и вспоминаю пятикилометровый бег, в котором я участвовал однажды. Тренинг помогает. В три часа прохожу семнадцать верст. Еще семь верст осталось. В лесу натыкаюсь на казачий пост.

Вид у меня был, очевидно, очень нелепый.

Мокрый, усталый, в гетрах, в фуражке с очками – я не внушал к себе доверия.

И только после того, как я показал важный пакет, старший поста согласился дать мне лошадь и вестового. Желая уверить казачков в своей подлинности я, несмотря на усталость, вспрыгнул на высокое седло профессионально-кавалерийским адъютантским прыжком.

Лица донцов просветлели, и они единогласно одобрили:

– Ловко вы сигаете, ваш-бродь!

Через двадцать минут я был в штабе утерянного корпуса в Августове. Там тоже пытались восстановить с нами связь, но шпионы и засады немецких драгун перехватывали все, что посыпалось к нам и от нас.

Проворонили только меня!

Назад мне дали автомобиль.

Спрашиваю шофера:

– Не боишься?

– Никак нет, – просто и равнодушно.

– Ну, так едем.

Теперь уже едем явно. На машине да на большом ходу нас не очень-то поймаешь!

На полном газу пролетаем двадцать четыре версты в двадцать минут. Вот и Райгород опять!

Встречаем фурманщика-еврея.

– Где немцы?

– Ой! Прошу пана! В Рейгороде, тут стоят...

– Да ну? И много?

– Человек пентьдесят.

Оказывается, что въезд и выезд в местечко заняты прусскими драгунами. Гляжу беспомощно на шофера.

– Другой дороги нету?

– Есть такая, да у нас на нее бензину не хватит.

А ночь близка.

– Слушай, – говорю шоферу, – давай рискнем?

– Мне что же! Поедемте, – улыбается он.

– Ты хорошо из винтовки стреляешь?

– Ладно!

– Ну, так бери винтовку, а я сяду за машину.

– А справитесь? – с сомнением в голосе говорит шофер.

– Справлюсь, не бойсь!

Вот когда пригодилось шуточное изучение автомобиля. Учился, чтоб компанию свою прокатить иногда по городу под веселую руку, а вот теперь... Шкуру спасать буду и свою, и этого рядового солдатика, что деловито и спокойно заряжает винтовку.

– Ну! Ехать, что ли? Господи Благослови!

Как в воду окунулся, когда нажал педаль.

Выключаю конус и ставлю на третью скорость. Даю газ вовсю.

Вот плетень... Вот мостик... Люди около лошади... Пускаю сирену и с диким ревом, пугая людей и рвущихся из рук лошадей, влетаю в городок. Крики сзади... Что-то хлопнуло сквозь гул машины, слабо и не резко.

Еще... Еще...

Площадь... Опять лошади и всадники на них. Один отделяется и кидается к нам... Опять пускаю сирену. Большая рыжая лошадь взвивается на дыбы. Рядом у уха самого резко гремит винтовка шофера.

Господи! Едва увильтул. Неожиданно на дороге воз. Руки инстинктивно завертели колесо с быстрой молнией и так же выправили его назад, обогнув препятствие... Сзади хлопанье все сильней. Отвернуться от льющейся в глаза широкой белой ленты – шоссе – не могу... Нельзя на таком ходу... Мгновенно будем под автомобилем... А если уцелеем, то и под ножами озверевших немцев. Мимо машины с гулом и свистом несется лента деревьев, зданий, столбов. Руль рвет из рук, и он так вибрирует, что у меня начинают сдавать руки...

Хлопанье сзади затихло... Да и где же догнать нас на таком ходу!

Пролетаем верст пять от города. Мало по малу спускаю газ и перевожу дыхание, да кстати и скорость. Обращаюсь к шоферу и говорю, не глядя на него:

– Ну, как? Насколько километров скорость нагнали?

Солдат молчит. Гляжу на него – сидит, прислонившись боком к дверце и винтовку сжимает.

Тронул его – мягко и безвольно голова качнулась... Убавил ход, посмотрел внимательно – мертв!

За правым ухом чернеется малюсенькая дырочка.

Тронул тело – голова перевалилась на плечо. Над левым глазом отек, и кровью все залито. Насквозь, значит, хватили...

Но не стоять же, в самом деле, тут... Опять погнал машину, но не успел и версты проехать, слышу, кричит кто-то сбоку от дороги.

Откуда ни возьмись – мой пропавший без вести моторист Игошин! Бежит, руками машет.

– Откуда ты здесь?

– Да я тут в фольварке вас дожидался. Тут вашу машину нашел у поляков, да и возился все с нею. Всю развинчивать пришлось.

Подошел вплотную, глянул на скривившегося шофера и ахнул, по-бабы всплеснув руками.

– Это что же, ваше-дие, такое?

– А стрельбу слыхал?

– Слышал, да не близко...

– Ну так вот... На ходу попало, бедному.

Поехал испуганный Игошин. С помощью крестьян перетащил в кузов машины оба мотоцикла; туда же мы переложили труп, а сам Игошин сел на его место, и тронулись дальше. Через четверть часа пролетели Граевскую заставу и затормозились у подъезда таможни через шесть часов после отъезда оттуда.

Вот тебе и двадцать минут до Райгорода, да и столько же обратно!

В штабе меня ждали с тревогой. Начинали уже бояться за мою участь, тем более, что посланный по дороге к Райгороду маленький разъезд вернулся, налетев на большие для него силы немцев, и донес, что дорога занята ими. Тем более эффектным было мое появление. Пошли расспросы и допросы.

Потом меня начали кормить. А я только тут и вспомнил, что еще с утра раннего ничего не ел. И разломало почему-то сразу меня. То все ходил бодро, а сейчас и ноги, и руки, и все тело болят. Разбился за день, видно. Сейчас сижу раздетый на постели и думаю о странной игре судьбы.

Ведь надо же было мне именно перед самым Райгородом пересесть на шоферское место.
А если б не пересел?

Тут все так уютно. Бестовые готовят постели. Рядом стакан крепкого чаю с лимоном и красным вином. Вокруг жизнь, голоса... А я мог бы лежать на носилках с пробитым черепом. Ничего бы не видел, не слышал; не ощущал бы прелести жить и вообще, это был бы уже не я, а просто три пуда двадцать фунтов костей, мяса и потрохов, внутри которых уже начинало бы гнездиться гниение.

Брр! Только теперь сознаю, что я выкинул рискованную штуку и уцелел лишь чудом.

Вспоминаю следы пули на синем кузове автомобиля – потешные желобки такие, – и становится страшно. Впрочем, это в моем характере; я всегда трушу после опасности.

А все-таки чертовски жутко.

Зато теперь я уже немного окрещен! Это приятно! Но уже поздно, а что будет завтра – Бог весть. Война-то ведь продолжается и в любой момент может поднять нас с теплых постелей и бросить в мрачный холод осенней ночи.

Бедный рябенький шофер.

29 августа

Ну вот, дождались и дела. Сейчас пойдем в Пруссию. Поднялись на ноги с семи часов утра. Получено приказание выступить всей дивизией на город Лык. Соседняя дивизия, стоявшая в Щучине, пойдет, очевидно, на Бялу. По всей вероятности, наше движение будет демонстрацией для того, чтобы оттянуть от Ренненкампфа давящие его силы немцев, хотя бы отчали.

Самая, в сущности, «корявая» роль у меня.

Мне пока абсолютно нечего делать. С частями дивизии мы соединены телефонами и целой командой дежурных ординарцев, конных и самокатчиков. Так что все приказания передаются без меня.

В полутемной столовой собрался военный совет. Шуршат карты и бумаги. «Старики» сосредоточенно сидят над картами. Изредка отрывисто кидают друг другу короткие, но полные содержания фразы.

Оба адъютанта согнулись и строчат в полевых книжках приказания и распоряжения. Готовится приказ «на походное движение». Спешно и порывисто перевертываются исписанные страницы, снова перекладывается копировальная бумага и опять тишина.

Только порой чужим звуком звякнет ложечка в стакане остывшего и глотаемого урывками чая.

Я сижу и распираю пальцами слипающиеся веки. Здорово утомился вчера, и сон морит меня.

На дворе идут спешные сборы. Наши вещи грузятся на двухколки. Лошади уже поседланы. Генерал дал мне купленную им недавно и еще невыезженную здоровенную вороную лошадь, а себе взял на время мою строевую, дрессированную и кроткую как ребенок.

Мы не знаем, вернемся ли сюда, в Граево, вновь, а потому окончательно ликвидируем свое пребывание здесь. Завтрак или обед готовить некогда. Поедим потом из котла солдатского, когда время будет.

Несутся во все стороны получившие копии приказов полковые ординарцы. Начинают снимать полевые телефоны. За церковью, неподалеку, раздаются звуки оркестра. Это выступает стоящий подле нас первый полк нашей дивизии.

За ним грузной колонной идут обозы. Потом второй полк...

В одиннадцать часов утра появляется голод. Сегодня суббота, и, следовательно, все лавочки (еврейские, ибо русских тут нет!) заперты. Посланный на разведки молодцеватый

ординарец-стрелок ворочается с печальным известием, что ничего достать нельзя. Но затем, вслед за словами, повергающими нас в мрачное уныние, он, наслаждаясь сценичностью эффекта, достает из-под полы шинели громадный кусок жареной с чесноком свинины, густо посыпанной солью.

– Откуда?!

– У жидовки купил, ваш-бродь, – докладывает плутоватый стрелок...

– Гм-м! Купил? Ну, да все равно... Есть хочется... Давай сюда...

Я и длинноногий Д., уже снявший свои бесконечные телефоны, удаляемся с драгоценным куском на площадку черной лестницы и там устраиваемся комфортабельно на ступеньках, затоптанных сотнями ног. Через вестовых достаем хлеба и уничтожаем гигантские бутерброды. Потом вспоминаем о «начальстве». Делаем пару уродин-бутербродов и несем наверх.

Начальник штаба составляет телеграмму в штаб армии и сначала машинально отмахивается от нас, но потом, увидев предлагаемое, свободной рукой берет кусок и, не отрываясь от диктуемой писарю черновой телеграммы, жует.

Зато генерал встречает наше появление с «питательными веществами» воодушевленно-радостно и хвалит нас от души. И только когда съедает весь бутерброд без остатка, спрашивает спросить:

– А откуда же вы это раздобыли?

Мы со смехом признаемся в своих подозрениях относительно «покупки» этого мяса.

– Зато хлеб, вне сомнений, наш собственный!

Но пора двигаться и нам.

– Ну, господа... Все готово? – говорит генерал.

– Господи Благослови!

Садимся и двигаемся большой группой по узкой улице. Пробираемся мимо соединенных колонн обозов, запрудивших всю улицу. Все оставшееся население Граева высыпало на плетни и заборы. Почтительно кланяются при нашем проезде. Конечно потому, что мы идем в Пруссию, а не уходим из нее. Если придут сюда пруссаки, эти же поклоны встретят и их.

Скверное положение у бедного пограничного населения. Хотя, все же лучше, чем у бедных «китаев» в прошлую кампанию, когда их страна была перевернута вверх дном дерущимися пришлыми державами.

Обгоняем медленно вытягивающиеся на Лыковское шоссе колонны полков. Генерал поминутно здоровается с людьми, бодро и весело отвечающими на громкое и сердечное приветствие.

Авангард давно уже ушел вперед. С ним нас соединяет тонкая «цепочка» из одиночных стрелков, идущих один от другого шагов на пятьдесят дистанции.

Все приказания передаются через них.

– Авангарду остановиться на переезде через полотно у будки на маленький привал! – приказывает генерал.

Приказание передается ближайшему из «цепочки».

И гулко несутся в утреннем воздухе замирающие вдали, произносимые нараспев, слова, катящиеся по цепочке от одного к другому.

Мы присоединились к главным силам и едем с ними.

Впереди рокочут выстрелы.

Через полчаса получаем подробное донесение о случившемся.

Оказывается, немецкая полурота, засевшая в местечке Просткен, пыталась задержать нас и обстреляла голодную заставу. Но подошедшие роты заставили немцев уйти, оставив несколько трупов и с десяток раненых.

Проходим через место стычки. Улицы пустынны до жуткости. Хорошие, трех- и более этажные дома жутко смотрят на нас выбитыми окнами.

У здания местного отделения банка лежит головой на подъезде поседланная лошадь и жалобно стонет, пытаясь поднять тяжелую голову с мокрых от крови камней. У поваленного зачем-то фонарного столба с сетью проводов на нем и около свернулась клубочком серая фигура немецкого солдата. Лица не видно, но по положению тела, спокойного и недвижного, видно, что пуля его пожалела и уложила наповал.

И хотя ничем особенным не пахнет в свежем осеннем воздухе, но разыгравшееся воображение, пытающееся представить ясно и подробно картину свалки на этой мощеной улице, заставляет ощущать будто бы реющий над этим местом запах пороха и крови. Следуем дальше. Местечко большое. Еще когда мы перешли пограничную цепь, порванную и лежащую на земле между своих и наших столбов, отделяющих Россию от Германии, нам бросилась в глаза резкая разница между внешним видом двух соседних селений, прижавшихся к границе и друг к другу.

С нашей стороны – село Проскино, довольно обширное, с каменным костелом и типичными хатками, крытыми частью старой черепицей, а частью просто соломой.

При хатках – сады, запущенные, но живописные.

Улица носит следы свиных пятаков и проходящих стад скота. Освещение, конечно, только небесное. Есть две лавочки, бедные и жалкие, как и их хозяева, типичные забитые польские евреи.

Но стоит сделать несколько шагов за здание таможни (немецкой), как все меняется будто по волшебству. Шикарная мостовая. Телефонные провода, уходящие паутинами на железную черепицу высоких готических крыш. Чистая, желто-розовая окраска стен. Зеркальные окна в нижних этажах. Много магазинов и лавок, правда, запертых и, очевидно, без товара, увезенного заранее бежавшими купцами. Электрическое освещение на улицах. Каменные и витые чугунные решетки чистеньких садов. Асфальт на панелях. Отделение банка, две школы, богатая кирха.

Да и брошенная кое-какая утварь, не взятая бежавшими жителями, говорит более чем о достатке наших соседей. И вполне понятно, что эти разбухшие от пива и лосняющиеся от идеальной чистоты бургеры косятся с презрением на грязь и бедность живущих бок о бок русских подданных (хотя и не русских по национальности). Селение казалось вымершим, и трудно верилось, что тут вот несколько минут тому назад щелкали выстрелы, пахло смертью, страхом и насилием.

Но еще через несколько минут в затихших домах закопошился кто-то, и из слуховых окон высоких чердаков загремели выстрелы. Но быстро смолкли, внеся беспорядок в ряды колонны, шедшей по улице.

Глядим, бредет раненный стрелок. Машет окровавленной рукой, и лицо недоуменное и досадливое.

– Откуда ты? – изумился генерал.

У авангарда были шедшие вместе с ним свои лазаретные двуколки, и раненые там, впереди, в них и укладывались, чтоб не таскать их в тыл колонны. А этот тут появился, да еще не перевязанный!

– Из окошек стреляют, ваше-тво, – отвечает обиженным тоном раненый.

– Здесь? Сейчас? Ах, вот это сейчас выстрелы и были?

– Так тошно.

– Ну, а что же вы? Сами-то вы стреляли?

– Не по ком, Ваше-тво... Да, однако, бабы стреляют... Что с имя сделаешь... – развел, забыв про боль, руками раненый и отправился шагать дальше, к санитарным двуколкам, не обращая внимания на льющуюся кровь.

Пролетели мимо два казака из разъезда.

Рядом с лошадью идущего впереди бежит и голосит тонким бабьим голосом здоровенный рыжебородый немец. Руки сложены как на молитву и перевязаны у кистей ремнем чумбура.¹⁸ Лицо плачущее, рот перекошен, и в глазах безумный ужас загнанного зверя. Но вместе с тем чувствуется в них какая-то жестокая подлость; вот только выпусти, говорят они...

---

¹⁸ Чумбур (турк. *cylbur*) – длинный повод уздечки, на котором водят или за который привязывают верховую лошадь. – *Прим. сост.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.